Глава 1

Достучаться до небес

> Наиболее важным критерием любого бизнеса является прибыльность, и киберпреступления не являются исключением.
>
> *Евгений Касперский*

Меня зовут Сергей Павлович. В Сети меня многие знают как PoliceDog, panther[757], Fallen Angel, diplomaticos. Говорят, я украл $36 млн. Куда бы **ты** потратил такие деньги? Возможно, с миллионами **твоя** жизнь была бы особенной, яркой и счастливой? **Ты** мог бы сделать свою самую сумасшедшую мечту реальностью? Я тратил деньги иногда бездарно, иногда очень умело. Самый красивый способ расстаться с деньгами — это, конечно, женщины. Но самый приятный и, наверное, правильный — стать Санта-Клаусом. Спасти жизнь тяжело больному человеку, оплатив ему операцию в Германии, маме — новую машину, племяннику — компьютер и скутер, маму своей герлфренд отправить в сказочное путешествие к океану, туда же — маму своей бывшей герлфренд. Дать в долг, зная, что не вернут. Исполнить чью-то мечту иногда приятнее, чем свою… Такие мелочи, но я скажу: клево быть Сантой. А лежать на нарах и смотреть в облезлый потолок пятнадцать часов в сутки — совсем не клево. Но я лежу и смотрю… В этот момент мне плевать, что меня арестовали, что я в камере с еще тринадцатью зэками, что меня могут «закрыть» на многие годы. Не страшно. Хочешь — верь, а хочешь — не верь.

Наверное, в тот момент мозг благополучно эвакуировал меня из той ситуации, в которой я оказался. Я ничего не слышал и не видел вокруг себя. Вместо серого потолка перед глазами была картина: Дима выглядывает в окно, Катя у стола молча режет хлеб, Фидель рассказывает какой-то анекдот и пытается снять со стены голову кабана… Открывается дверь, и заходит этот мент, а с ним еще четверо в штатском… «Добрый вечер»… Вот и все… Я раз за разом

прокручивал в голове этот момент: «Добрый вечер»… А что это значит? Что вообще все это значит, почему я здесь?! То есть понятно, что «вор должен сидеть в тюрьме», но я был так осторожен… Я был суперосторожным Сантой!

Возможны два варианта: первый — я все-таки ошибся. Второй — меня кто-то сдал. В горле застрял комок. Если кто-то меня предал, то это мог быть только близкий человек. А значит, нет. Это невозможно… Я закрывал глаза и вспоминал: последние сделки, клиенты, дампы, PIN-коды… Где я мог проколоться? Чем больше я лежал под серым потолком, тем больше начинал верить в предательство. Я, как Агата Кристи в каминном детективе, подозревал каждого. А детектив у нас действительно получался каминным. В этот момент («добрый вечер») я доставал шампуры с готовым шашлыком из камина. И все, кто в этот «добрый вечер» был на даче, так или иначе крутились в гостиной возле огня.

Мы были в деревне Липень в 100 километрах от Минска. Наша дача — крайний дом на улице. За ним начинался бесконечный лес с дикими кабанами и лисами, где мой дед всю жизнь служил лесничим. Это была дача моей девушки Кати. Мы уже жили в столице, но в Липень постоянно мотались. Как же я любил эту дачу…

Две вещи казались мне странными. Первая: зачем нужно было арестовывать меня в тот момент, когда я уехал из Минска, и превращать задержание в выездную спецоперацию? Я ведь не скрывался. В Минске можно было приехать ко мне домой и точно так же надеть наручники. Только намного проще. А может, хотели меня арестовать в тот момент, когда я выпиваю в компании и расслаблен? Что ж, тогда надо было действовать двумя днями ранее, когда мы отмечали годовщину моего сайта DumpsMarket. На «день рождения» собрались серьезные кардеры со всего СНГ и не только. Я, как создатель DumpsMarket, был в роли именинника. Алкоголь лился рекой, на столах танцевали шлюхи, пацаны нюхали кокаин… Заявись менты на ту вечеринку — их ждал бы приятный сюрприз. Но почему-то преступный шабаш их не заинтересовал. А значит, они ничего не знали, оперативная информация на меня появилась внезапно.

Второй момент, который вызывал сомнения: в тот день, 16 сентября 2004 года, мы собрались в Липене небольшой компанией. Мы не обсуждали по телефону, куда поедем, я лишь сказал: «За город». Я никому

не объяснял дорогу — просто выехали кортежем из Минска и через час были уже на месте. Я буквально на днях купил новый «мерседес» и с удовольствием гонял по белорусским дорогам, с качеством которых могут сравниться разве что немецкие автобаны.

— Старший лейтенант ***, ваши документы! Сергей Александрович, ваша скорость превышена на… Счастливого пути, Сергей Александрович! Внимательнее на дороге!

Знал бы этот лейтенантик, который тормознул меня за превышение уже почти в самом конце пути, что мой телефон прослушивается или, еще хуже, за мной следят, и он не стал бы брать у меня двадцать баксов. Но сейчас речь не о нем. Может, кто-то по телефону все-таки назвал адрес, и опергруппа поэтому рванула в Могилевскую область? Или и вправду за нами следили еще от Минска… Да фиг с ним! Узнать мое местонахождение ментам, пожалуй, было не так уж и сложно, при их-то возможностях. Хотя все равно странно…

Итак, гости. Герои моего каминного детектива.

- Катя — моя герлфренд (вообще-то она Катя номер два, но здесь, как хозяйка дачи, идет под первым номером).
- Дима Бурак, он же Граф, — мой двоюродный брат и самый близкий друг по жизни. С ним мы связаны не только кровью, но и многими общими делами. От брата у меня нет секретов. Он — моя правая рука.
- Сергей Сторчак, он же Фидель, — коренной одессит, приехал в Минск на годовщину DumpsMarket да так и остался. Понравилось ему у нас. 17 сентября у Фиделя день рождения. Его-то мы и отмечаем. Фидель — один из наших основных партнеров. Я ему не очень доверяю, поэтому дела с ним ведет Дима.
- Илья Сапрыкин, он же Postal. Двадцать три года, неглупый еврейский мальчик. Работал с нами и был в курсе многих дел. До знакомства со мной в основном занимался «обналом» по мелочам.

  Вот Постал мог бы меня сдать. Информации у него хватало… И как же я забыл, что он ехал на дачу отдельно от всех! В последний момент откололся от компании, сказал, что есть дело в Минске… Мы уехали в Липень без него. И только через два часа, когда баня была уже вытоплена, а мясо для шашлыка нанизано на шампуры, темно-синяя BMW Ильи наконец закатила во двор.

Из машины вышла эффектная блондинка, тоже вроде Катя. «Так вот какое дело задержало его в Минске», — подумал я, с интересом разглядывая девушку. «Да черт, зачем я про нее вспоминаю! Блондинка точно не в звании, таких смазливых милиционеров не бывает». Итак, следующий номер…

- Подружка Сапрыкина, блондинка Катя.
- Кирилл Калашников, он же kaiser. Кайзеру всего 17 лет. Он нездешний. Работал с нами, но жил в России, в Екатеринбурге. Приехал в Минск тоже на годовщину моего форума и так же, как Фидель, решил остаться на party в Липене.

Помню, как пацаны взяли пистолеты и пошли на край двора стрелять по банкам. Я тоже стрелял и чаще других попадал. Это очень заводило. Я прыгал по резиновым колесам, вкопанным в землю вокруг клумб, падал, как дурак. У меня, наверное, было кислородное отравление. Дима выстрелил, а я сделал вид, что ранен. Проковылял несколько метров и упал на землю. Пальцы нащупали то место, куда вошла пуля, и прижали пульсирующую струйку крови. Чувствовалось, как бьется сердце, даже через куртку. По небу летели высокие облака. Осенью воздух такой прозрачный, обидно было бы умирать под таким красивым небом. Лежать на золотистой листве и остывать. Я закрыл глаза, меня уже не было. Может, и надо было умереть тогда. Но мне помешали. Сначала запах Euphoria от Calvin Klein, потом теплые влажные губы. Когда я открыл глаза, неба уже не было. Все закрывало Катино лицо. Огромные нежные глаза. Одного такого взгляда достаточно, чтобы сердце встало.

— Ты меня любишь?

— Люблю Катю. Ты Катя?

Мир стал живым и безопасным, как на холсте.

Нет, Катя не смогла бы предать. Хотя у нее на то были причины. Я ей изменял, я ее не любил, я… разве этого недостаточно?! В тот момент, когда к нам в дом вошли люди в штатском, она одна не растерялась. В ответ на «добрый вечер» подошла вплотную к этим типам:

— Здравствуйте. В чем дело?

— Милиция. Чей это дом?

— Моего отца…

И она зачем-то повторила наш адрес, спокойным голосом назвала фамилию, имя и отчество своего отца — владельца дома. Меня это успокоило. Как будто мы думаем, что они ошиблись и в темноте перепутали деревенскую хату, а на самом деле шли в гости к трактористу напротив или хотели спросить у соседки парного молока… А у нас коровы нет, самогона тоже. До свидания, ребята. Но менты не спешили уходить.

— Вы стреляли? Соседи пожаловались, что слышали выстрелы, — объяснил причину своего визита единственный из всех милиционер в форме. В его руке почему-то был табельный «макаров».

— Мы стреляли по банкам из пневматики, — начала было Катя таким же спокойным и рассудительным тоном, но Илья Сапрыкин ее перебил и затараторил:

— А хотите, я сбегаю в машину? Я вам покажу, из чего мы стреляли. А вы знаете, что на пневматику не нужно разрешение?

Вот дебил-истеричка! Это даже ребенок знает, что пневматика без лицензии, а уж мусора и подавно. Тем, похоже, надоело ломать комедию. Я не успел моргнуть глазом, как один из «мэн ин блэк» подошел ко мне и надел наручники. Всем сказали не расходиться, быть в одной комнате.

Дима выглядел испуганным. Сидел на подоконнике молча и смотрел на меня, как бы спрашивая: что делать? Среди нас, братьев, я всегда был старшим. Хотя на самом деле Дима родился на три месяца раньше меня.

Нет, Дима не предатель. Он скорее руку себе отрежет. Он повязан со мной по всем делам. Кто-то предал нас обоих. На Диму, правда, не надели наручники. Последний раз я видел брата в отделении ГУВД Минска. Нас по одному допрашивали. Дверь случайно приоткрылась — Дима сидел в кабинете напротив. Он помахал мне рукой, мол, все будет хорошо. Я заметил, что пальцы у него в черной краске, как и у меня. У Димы точно нет никаких причин (никакого мотива) меня топить…

Или есть? От мысли, которая пришла мне в голову, стало дурно. Серый потолок камеры СИЗО поплыл, появились круги. Это что, слезы? Я попытался взять себя в руки: нельзя становиться параноиком. Другой голос внутри моего сознания возразил: «Но и никаких деталей упускать нельзя! В жизни случается и не такое, поэтому учитывай все». Я зажмурился и стал вспоминать.

Девять месяцев назад… Новый год…1 января 2004 года там же, на даче, я впервые просыпаюсь в одной постели с Катей. У нас был спонтанный секс. И теперь мне неловко. Потому что Катя много лет была девушкой моего брата. Они недавно расстались, не знаю, из-за чего. Насколько там все серьезно — тоже не знаю. Катя спит рядом голая… На трезвую голову мне с ней стыдно лежать. Я тихонько встаю, чтобы не разбудить. Наступаю на что-то… Лифчик! Вот я мудак! Что, девушек мало? Тем более в Киеве у меня есть подружка. И не одна. Я спускаюсь по лестнице вниз, мне надо побыть одному. По закону подлости встречаю Диму, который моет посуду.

— Сигареты есть? — спрашиваю я у брата.

— Закончились. Давай тебе кофе налью? Хочешь есть? Могу курицу с картошкой разогреть.

— Блин, Дима! Восемь утра. Ты моешь посуду. И тебе не лень еще разогревать мне курицу? Я, конечно, не хочу ни разу. Но скажи, ты нормальный вообще?

— Ради тебя мне никогда ничего не лень…

Он сел напротив и улыбнулся так открыто и по-доброму, что я не удержался и сказал:

— Я переспал с Катей. Что мне делать?

— С твоей Катей? Вы опять вместе?

— Нет, с твоей Катей, вчера. Я был пьяный… Да нет. Дело не в том, что я… Она мне вообще-то нравится.

— Ну, она хорошая. Ты же знаешь.

Это прозвучало как благословение. К тому же Дима снова улыбнулся. Чувство вины, висевшее камнем у меня на душе, растворилось. Вместо него возникло волнительное предвкушение любовного флирта. Я думал: как хорошо, что есть брат. И есть мужская дружба. В то утро я все-таки съел кусок курицы, выпил кофе со сгущенкой, а за плитой нашлась пачка Marlboro. Мы сидели с братом на кухне, смеялись, вспоминали наше детство, школу, как мы слушали Deep Purple… Я всегда вижу людей такими, какими хочу. А может, Диме на самом деле в то утро было больно и он это скрывал? Тогда он мог бы и еще что-нибудь скрывать от меня…